

РОССИЙСКИЙ ДРУГОЙ В ИДЕНТИЧНОСТИ ЕС: РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ГЕНДЕРНОГО ПОРЯДКА В ЕВРОПЕЙСКОЙ ПРЕССЕ

Европейский союз остается одним из влиятельных участников современной системы международных отношений. Его будущее во многом зависит от легитимности его институтов, от того, насколько европейцы будут чувствовать себя частью общего политического сообщества, насколько высок будет уровень европейской политической идентичности [27, 40]. Важность европейской консолидации подчеркивается и в основополагающих документах ЕС: Маастрихтском и Лиссабонском договорах; о значении феномена европейской идентичности свидетельствует и то, что на протяжении двух десятилетий службой «Евробарометр» проводятся регулярные замеры европейской идентичности в странах ЕС [8].

А. Вендт, один из основоположников конструктивистского подхода в теории международных отношений, считает государственную идентичность ключевым фактором мировой политики [45]. По его мнению, формирование идентичности государств происходит именно в ходе взаимодействия с другими участниками международных отношений, поэтому идентичность следует трактовать как набор значений, которые субъект приписывает себе, принимая во внимание поступки других акторов [45] (см. также: [7]). Т. Хопф, другой представитель конструктивизма, подчеркивает, что политика акторов международных отношений зависит от существующих у них образов Себя и Других [31, р. 14] (о взаимообусловленности образов Своих и Чужих см.: [32]). Под Другими принято понимать социальную общность, имеющую иной, более или менее отличный, образ жизни, язык, культуру, иные экономические, политические и другие интересы и цели, иные ценности [1, с. 49]. Как утверждает Хопф, каждый актор имеет свой собственный набор значимых Других, в отношениях с которыми создается и поддерживается собственная идентичность; при этом в ее создании принимают участие не только политические элитные группы, но и широкие массы [31, р. 5, 8].

Характеризуя создание государственной идентичности, Я. Ассман выделяет два ее типа и соответственно два способа формирования. Идентичность создается «вертикально», посредством политической институционализации, и «горизонтально», через постоянную дифференциацию со значимыми Другими, за счет чего достигается внутренняя однородность (см.: [6, с. 414—416]). Очевидно, аналогичным образом формируется и европейская политическая идентичность. С одной стороны, она является результатом целенаправленной политики идентичности и «побочным продуктом» социально-экономической дея-

тельности институтов ЕС. С другой стороны, процесс формирования европейской политической идентичности происходит за счет противопоставления ЕС значимым внешним Другим.

Роль Другого в коллективной идентичности в рамках политической науки начали изучать с 1960-х гг. [14, с. 43]. Среди идей, оказавших влияние на методологию политического анализа идентичности, отметим тезис Ф. Барта, полагавшего, что возникновению различий между сообществами предшествует необходимость в создании между ними границ [2, с. 16]. Вопрос о роли образа Другого в идентичности Запада изучался, в первую очередь, в парадигме постколониальных исследований. Э. Саид показал, что сущностная характеристика конструирования идентичности Запада заключается в отрицании «восточности» [20]. Дальнейшие исследования установили, что в самоидентификации Запада мир делится на «Запад и всех остальных» («The West and the Rest»), причем всему не-Западу приписываются черты восточности [30, р. 277].

Противопоставление европейских норм и ценностей нормам и ценностям значимых Других помогает мобилизовать граждан ЕС перед лицом внешней угрозы [27, р. 6—7; 40, р. 14], поэтому понять проблемы формирования европейской политической идентичности невозможно вне изучения вопроса, кто же для Европы — Другой, каким образом проводятся границы между Европой и ее значимыми Другими. Среди Других Европейского союза называют США и Турцию [11, с. 71; 26, р. 46; 28, р. 33], а также «собственное прошлое континента: войны, национализм, фашистское или коммунистическое правление» [42, р. 206]. Какое место принадлежит России, особенно в настоящее время? Ответ на этот вопрос важен не только в контексте проблемы формирования внешнеполитической идентичности ЕС, но и в свете необходимости изучения факторов, влияющих на отношения двух акторов международных отношений — ЕС и России.

Российский Другой выступает для Европы в качестве частного случая «Востока», с которым европеец себя сравнивает. Этот тезис, который нашел отражение в работах Э. Саида [20], И. Нойманна [11] и позднее Т. Хопфа [31], — методологическая посылка нашего исследования. Европе и России приписываются характеристики, традиционно соотносящиеся соответственно с Западом и Востоком, например индивидуализм и коллективизм, разум и интуиция, прогресс и отсталость, свобода и угнетение, цивилизация и варварство; эти различия получают предсказуемую оценку [20, 30]. Естественно, образ России в Европе не является гомогенным, он варьируется в зависимости от идеологической ориентации политических акторов, поднимающих тему России [36, р. 9—10], от состояния отношений России и Европы, от политической ситуации в Европе.

В современной европейской прессе образ России создается при помощи различных маркеров. Для спецификации России акцентируются ее отличия от Европы в таких аспектах, как политическая система, внутренняя политика, права человека, экономика, внешняя политика [16]. Мы бы хотели затронуть вопрос о роли гендерных маркеров в репрезентациях России. Н. Ювал-Дэвис предложила в качестве «символических пограничников» интерпретировать гендерные символы, которые, наряду с другими маркерами, идентифицируют индивидов в качестве членов или же не-членов определенного сообщества (см.:

17, с. 21]). Гендерные маркеры выступают эффективными символическими пограничниками и в ситуации с общеевропейской идентичностью: дискурс европейскости охотно прибегает к противопоставлению образов европейских и неевропейских гендерных норм. Западный дискурс активно использует гендерные маркеры для проведения символических границ и с Россией [там же]. Аналогичные идентификационные процессы происходят в России, в том числе и постсоветской, где противопоставление европейским гендерным порядкам является важной составляющей политик идентичности, что стало предметом исследования в ряде работ [18, 19, 21]. Что же касается сегодняшних репрезентаций российского гендерного порядка в европейских медиа, то этот вопрос не получил пока освещения. Цель нашей статьи — обозначить основные тенденции репрезентаций гендерных норм российского общества в европейской идентичности. Как они представлены в европейских СМИ? Какую оценку в контексте европейскости/неевропейскости они получают? Как это связано с другими маркерами России? Как образ гендерного порядка России включается в дискуссии о европейских ценностях и единой Европе?

Для того чтобы получить ответы на эти вопросы, в статье используются материалы СМИ стран Евросоюза, посвященные двум событиям, произошедшим в 2012—2013 гг.: делу «Pussy Riot» и принятию в России закона о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних.

«Pussy Riot» — российская феминистская панк-группа, получившая известность после ее акции в храме Христа Спасителя в феврале 2012 г., в период президентской кампании. Спустя полгода приговором российского суда три участницы группы были осуждены. Дело вызвало большой резонанс в Европе; в их защиту выступали политики, общественные деятели и представители европейской культуры.

В дискурсе европейских СМИ можно выделить два измерения репрезентаций «Pussy Riot» — и, следовательно, обвинений в адрес России. В первом, политическом, участницы панк-группы выступали в качестве представителей либеральной оппозиции; во втором, гендерном, — радикального феминизма.

Что касается политических репрезентаций, то участники группы в подавляющем большинстве проанализированных источников предстают «отважными борцами с авторитарным режимом» [43] и его «знаменосцами — В. Путиным и Д. Медведевым» [3] (см. также: [13, 24, 34, 35, 41, 44]). Так, один из журналистов видит именно в этих трех девушках тех, кто «переломит хребет» системе [13]. Подчеркнем, что аргументами в защиту панк-группы становятся традиционные обвинения в адрес политической системы России как неевропейской и нецивилизованной [4, 5, 25, 38]. К примеру, в связи с делом «Pussy Riot» польская «Газета Выборча» пишет: «Эта история напоминает нам <...> что Россия — это другая цивилизация» [41]; еще одно издание привлекает популярный на протяжении столетий тезис о «рабской России» («Девушки отделились от своего ортодоксального, консервативного, рабского общества» и др.) [37]. На таком фоне комментаторы выносят оценки самому Евросоюзу и его политике по отношению к России: «В свете все возрастающего числа нарушений прав человека Европа остается поразительно молчаливой» [39].

Второе измерение репрезентаций «Pussy Riot» в европейской прессе — гендерное, которое связано, во-первых, с позиционированием участниц группы как феминисток, во-вторых, с характеристикой их истории в контексте репрезентаций гендерного порядка России в целом. Показательна статья К. Кадвалладр в британской «Гардиан», где утверждается, что творчество «Pussy Riot» содержит мощный феминистский посыл, который является глубоко чуждым России. Кадвалладр пишет: «Российские лидеры всегда понимали могущество образов власти: серпа и молота; ядерных боеголовок и мускулистого мужчины, занимающегося на природе с обнаженным торсом мужскими делами. И последнего случая: пяти девушек в разноцветных балаклавах, скачущих в символическом сердце Российского государства — на Красной площади» [25]. Заслуга панк-группы, по мнению журналистов многих изданий, заключается в привнесении феминизма в страну, основанную на принципах патриархата, символом которого для них является российский лидер [25, 29].

Освещение данной темы обнаруживает корреляции с репрезентациями других аспектов гендерного порядка в России. Исследователи уже показали, что мужественность россиян в западном дискурсе интерпретируется как отсталая, примитивная, построенная вокруг культа силы и агрессии, ксенофобии и отсутствия толерантности к сексуальным меньшинствам. Западные СМИ описывают российских мужчин как «массивных и непредсказуемых русских медведей» или же как инфантильных алкоголиков, а женщин — как покорных и сексапильных, отвергающих саму идею феминизма [19].

Еще более суровую критику европейских медиа вызвало принятие в России закона о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних. Обсуждение закона включает в себя воспроизводство уже упоминавшихся маркеров России. Отношение к правам сексуальных меньшинств выступает критерием оценки демократичности государства, убеждают читателей журналисты (см., напр.: [12]). Закон трактуется и как проявление авторитаризма в целом [4], и как ограничение гражданских прав и свобод [9, 12, 39], и как доказательство преследования инакомыслящих [33]. Особо подчеркнем, что в нем представители СМИ Евросоюза увидели подтверждение цивилизационного раскола между Россией и Европой. В латвийском издании отмечается, что и в политическом смысле, и, в большей мере, географически «граница между государствами, в которых закон обеспечивает равные права однополым и гетеросексуальным парам, и теми странами, где это не признается, довольно точно разделяет карту на Запад и Восток» [12].

Итак, гендерный дискурс выступает способом противопоставления «хорошей Европы» и «плохой России». Однако обратим внимание на другую тенденцию, связанную с обсуждением этого закона, которая показывает неоднородность образа России в европейских СМИ и вызовы, с которыми сталкивается европейская идентичность. Как известно, вопрос об однополых браках принимается самими гражданами Евросоюза далеко не однозначно (особенно в странах с сильной позицией католической церкви). В этих условиях можно наблюдать и различное отношение к принятому в России закону и, что для нас представляет особый интерес, к проблеме европейскости России.

Например, российский закон вызвал одобрение у шведских правых, которые считают, что единственной нормой являются традиционные семейные отношения [15], у М. Ле Пен, президента французского «Национального фронта» [10]. Французское издание так объясняет поддержку, которую оказывают закону французские «антилибералы»: «На фоне порочной Европы и полуханжеской/полуанархистской Америки Россия предстает как страж золотого века, времен, когда еще не было никакой ЛГБТ-революции» [4]. «Отсталость России» начинает интерпретироваться как ее преимущество. Заметим, что представления о России как чистом листе, *tabula rasa*, лежали у истоков западной русофилии: страну ожидает великое будущее именно в силу неспорченности ее цивилизацией [17].

Особое внимание в контексте обсуждения закона уделялось личности президента России. Испанское издание пишет: «Сразу же после того как Владимир Путин стал премьер-министром России, он превратился в своего рода демона для гей-лобби. Западная пресса пестрит такими заголовками, как “Путин преследует гомосексуалистов” или “Путин запретил гей-браки”. Однако мало кто говорит о том, что принятый в России закон о запрете гей-пропаганды среди детей не имеет политической направленности, а всего лишь навсего инструмент национального выживания» [23]. Специфика мужественности российского президента теперь описывается не только как брутальность и мачизм, но также как сила, решительность и разумность: «Путин не такой бесхребетный тюфяк, как западные политики, пасующие перед идиотизмом гомосексуального лобби» [15].

Таким образом, в риторике европейской прессы гендерный вопрос приобретает политическое измерение. Основная тенденция репрезентаций гендерного порядка российского общества состоит в том, что он представлен как отличный от европейского; это объясняется либо политикой российских властей, либо цивилизационными особенностями страны. При этом он является показателем отсталости России. Подобные репрезентации имеют корреляции с другими распространенными маркерами России. Вместе с тем за пределами гегемонного дискурса специфика гендерного порядка российского общества оценивается как преимущество России перед Европой. Более того — именно Россия выступает здесь как хранитель подлинных европейских ценностей, основанных на христианстве. По мнению О. Матвейчева, «европейцы высоко ценят тот факт, что российское руководство стремится к сохранению традиционных ценностей», а «Путин — единственный, кто не предал свои истоки, в том числе западные, поэтому вызывает такое уважение у людей» [22]. Заметим, что аналогичные идеи — о том, что Россия превратилась в основной бастион традиционных ценностей и именно в этом заключается ее миссия на современном этапе — набирают популярность и в нашей стране [18]. В этой перспективе российский Другой выступает как фактор не только укрепления европейской идентичности, но и ее разрушения, превращаясь в альтернативный проект для многих европейцев, которых не устраивают происходящие в ЕС изменения гендерного порядка. Это лишний раз демонстрирует сложность и противоречивость процессов формирования европейской идентичности.

Библиографический список

1. Ачкасов В. А. Этническая идентичность в ситуациях общественного выбора // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. 2, № 1. С. 45—56.
2. Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы : социальная организация культурных различий / под ред. Ф. Барта. М. : Новое изд-во, 2006. С. 9—48.
3. Бастиян С. Хит-парад групп, у которых были проблемы с законом до Pussy Riot. URL: <http://inosmi.ru/world/20120828/197352606.html> (дата обращения: 10.10.2013).
4. Гардер Н. Почему французским антилибералам нравится Путин? URL: <http://inosmi.ru/world/20130918/213078036.html> (дата обращения: 10.10.2013).
5. Грациоли С. Москва: полемика бросает тень на чемпионат мира по легкой атлетике. URL: <http://inosmi.ru/sport/20130820/212116633.html> (дата обращения: 10.10.2013).
6. Замятина Н. Ю. Территориальные идентичности и реконфигурация социального пространства // Политическая идентичность и политика идентичности. М. : РОССПЭН, 2012. Т. 2 : Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке / под ред. И. С. Семененко. С. 411—430.
7. Киселёв И. Ю. Проблема образа государства в международных отношениях: конструктивистская парадигма // ПОЛИТЭКС. 2007. Т. 3, № 3. С. 253—260.
8. Крестинина Е. С. Проблема формирования наднациональной политической идентичности : (на примере ЕС) // ПОЛИТЭКС. 2011. Т. 7, № 2. С. 52—61.
9. Ленуар Н. Pussy Riot и новое политическое сознание. URL: <http://inosmi.ru/politic/20120830/197497262.html> (дата обращения: 10.10.2013).
10. Маньи С. Пустота, заполненная Путиным. URL: <http://inosmi.ru/russia/20131128/215183109.html> (дата обращения: 10.10.2013).
11. Нойманн И. Использование «Другого» : образы Востока в формировании европейской идентичности. М. : Новое изд-во, 2004. 335 с.
12. Озолиньш А. Однополые браки — критерий демократии. URL: <http://inosmi.ru/world/20130711/210861893.html> (дата обращения: 10.10.2013).
13. Озолиньш А. Свергнут ли девушки Путина? URL: <http://inosmi.ru/russia/20120806/196118801.html> (дата обращения: 10.10.2013).
14. Попова О. В. Россия как «Другой»: к вопросу об амбивалентности субъектов оценки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2008. № 4. С. 43—50.
15. Российский закон о запрете пропаганды содомии был с воодушевлением поддержан шведскими патриотами. URL: <http://perevodika.ru/articles/23299.html> (дата обращения: 10.10.2013).
16. Рябов Д. Россия в европейской идентичности: пятидневная война в польских СМИ // Россия в начале нового десятилетия : материалы межвуз. молодеж. науч. конф., Санкт-Петербург, 21 мая 2011 г. СПб. : НИУ ВШЭ, 2011. С. 56—60.
17. Рябов О. В. «Россия-Матушка» : национализм, гендер и война в России XX века. Stuttgart ; Hannover : Ibidem-Verlag, 2007. 290 с.
18. Рябова Т. Б., Рябов О. В. «Гейропа»: гендерное измерение образа Европы в практиках политической мобилизации // Женщина в российском обществе. 2013. № 3. С. 31—39.
19. Рябова Т. Б., Рябов О. В. Настоящий мужчина российской политики? : (к вопросу о гендерном дискурсе как ресурсе власти) // Полит. исслед. 2010. № 5. С. 48—64.
20. Саид Э. Ориентализм. М. : Русский мир, 2006. 640 с.
21. Цалко Е. О., Рябова Т. Б. Русскость и европейскость сквозь призму гендерных идентификаторов : (по результатам социологического исследования) // Женщина в российском обществе. 2010. № 2. С. 57—65.

22. Эксперты: мировое сообщество одобряет решения Путина. URL: http://www.infox.ru/authority/mans/2013/07/02/Ekspyertyu__Mirovoye_print.phtml (дата обращения: 10.10.2013).
23. Эснарса Х. Антигейский закон в России — инструмент национального выживания. URL: <http://inosmi.ru/world/20130826/212264304.html> (дата обращения: 10.10.2013).
24. Beylin M. Odrażający wyrok na Pussy Riot nas obraża // Gazeta Wyborcza. 2012. 18 sierpień. URL: http://wyborcza.pl/1,75968,12326451,Odrzajacy_wyrok_na_Pussy_Riot_nas_obraza.html (дата обращения: 10.10.2013).
25. Cadwalladr C. Pussy Riot: will Vladimir Putin regret taking on Russia's cool women punks? // The Guardian. 2012. 29th July. URL: <http://www.theguardian.com/world/2012/jul/29/pussy-riot-protest-vladimir-putin-russia> (дата обращения: 10.10.2013).
26. Calhoun C. The virtues of inconsistency: identity and plurality in the conceptualization of Europe // Constructing Europe's Identity / ed. by L.-E. Cedermann. Boulder (CO) : Lynne Rienner, 2001. P. 35—56.
27. Cedermann L.-E. Political boundaries and identity trade-offs // Constructing Europe's Identity / ed. by L.-E. Cedermann. Boulder (CO) : Lynne Rienner, 2001. P. 1—34.
28. Delanty G. Redefining political culture in Europe today: from ideology to the politics of identity and beyond // Political Symbols, Symbolic Politics : European Identities in Transformation / ed. by U. Hedetoft. Aldershot : Ashgate, 1998. P. 23—43.
29. Donath K.-H. «Hexenprozess» im Namen Gottes // Die Tageszeitung. 2012. 26. März. URL: <http://www.taz.de/Anti-Regierungsproteste-in-Russland/!90369> (дата обращения: 10.10.2013).
30. Hall S. The West and the rest: discourse and power // Formations of Modernity / ed. by S. Hall, B. Gieben. Cambridge : Polity Press, 1992. P. 276—320.
31. Hopf T. Reconstructing the Cold War : the Early Years, 1945—1958. Oxford University Press, 2012. 305 p.
32. Jenkins R. Social Identity. New York : Routledge, 2008. 232 p.
33. Jenkins S. The west's hypocrisy over Pussy Riot is breathtaking // The Guardian. 2012. 21st Aug. URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2012/aug/21/west-hypocrisy-pussy-riot> (дата обращения: 10.10.2013).
34. Jones N. Pussy Riot's protests threaten more than just the Putin regime // New Statesman. 2012. 31st July. URL: <http://www.newstatesman.com/blogs/worldaffairs/2012/07/pussy-riots-protests-threaten-more-just-putin-regime> (дата обращения: 10.10.2013).
35. Lynskey D. Pussy Riot: activists, not pin-ups // The Guardian. 2012. 20th Dec. URL: <http://www.theguardian.com/music/2012/dec/20/pussy-riot-activists-not-pin-ups> (дата обращения: 10.10.2013).
36. Malia M. Russia under Western Eyes : from the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. Cambridge (MA) : The Belknap Press of Harvard University, 2000. 528 p.
37. Michalski C. Pussy Riot na krzyżu bez pluszu // Krytyka Polityczna. 2012. 23 sierpień. URL: <http://www.krytykapolityczna.pl/CezaryMichalski/PussyRiotnakrzyzubezpluszu/menuid-291.html> (дата обращения: 10.10.2013).
38. Moore S. Pussy Riot are a reminder that revolution always begins in culture // The Guardian. 2012. 1st Aug. URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2012/aug/01/pussy-riot-reminder-revolution-culture?CMP> (дата обращения: 10.10.2013).
39. Philosophers urge support for jailed Pussy Riot protester // The Guardian. 2013. 22nd Nov. URL: <http://www.theguardian.com/music/2013/nov/22/philosophers-support-pussy-riot-protester> (дата обращения: 22.11.2013).
40. Preez P. du. The Politics of Identity : Ideology and the Human Image. New York : St. Martin's Press, 1980. 178 p.

*Д. О. Рябов. Российский Другой в идентичности ЕС:
репрезентации современного гендерного порядка в европейской прессе*

41. *Radziwinowicz W.* Proces Pussy Riot: oskarżone oskarżają // *Gazeta Wyborcza*. 2012. 9 sierpień. URL: http://wyborcza.pl/1,75475,12278468,Proces_Pussy_Riot__Oskarzone_oskarzaja.html (дата обращения: 10.10.2013).
42. *Risse T., Engelmann-Martin D.* Identity politics and European integration: the case of Germany // *The Idea of Europe: from Antiquity to the European Union* / ed. by A. Pagden. Cambridge University Press, 2002. P. 287—316.
43. *Skweciński P.* Pussy Riot — czy polubilibyśmy je w Polsce? // *Rzeczpospolita*. 2012. 31 lipiec. URL: <http://www.rp.pl/artukul/628874,920610-Pussy-Riot—czy-polubilibyśmy-je-w-Polsce-.html> (дата обращения: 10.10.2013).
44. *Walker S.* Russia's Duma waves through anti-gay law — by 436 votes to 0 // *The Independent*. 2013. 11th June. URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/europe/russias-duma-waves-through-antigay-law--by-436-votes-to-0-8654582.html> (дата обращения: 10.10.2013).
45. *Wendt A.* Collective identity formation and the international state // *American Political Science Rev.* 1994. Vol. 88, № 2. P. 384—396.